

журналистов местных газет, радио, телевидения в освещении процессов, связанных с противодействием растущей террористической опасности, экстремизма в стране и ее регионах может быть более продуктивным с точки зрения разоблачения человеконенавистнической сущности терроризма и экстремизма, разъяснения реакционного содержания его идеологических обоснований и крайне негативных последствий каждой террористической и экстремистской акции.

Борьба с терроризмом и экстремизмом – сложнейшая многоплановая и актуальная задача для РФ в целом и Тюменской области в частности. Ее решение только силами органов безопасности и внутренних дел невозможно. Нужна кропотливая и постоянная работа по выявлению и ликвидации причин и условий, порождающих терроризм. Для уничтожения этого социального зла необходимо взаимодействие всех здоровых сил в стране, органов власти на местах, общественных и религиозных объединений, трудовых коллективов, СМИ, всех честных и законопослушных граждан.

*Валерий Германович ПОПОВ —
заведующий кафедрой социологии и
управления общественными
отношениями Уральской академии
государственной службы, доктор
социологических наук, профессор*

РАДИКАЛИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Изучение социальной сущности, форм и идейных истоков политического радикализма в контексте социокультурного анализа предполагает выявление адекватных реальным его проявлениям специфических признаков. Это оказывается возможным осуществить двумя основными способами. Во-первых, проанализировать основные сложившиеся в философско-социологической и политологической литературе подходы к определению понятия «радикализм». Во-вторых, важно путем соотнесения сущностей близких к данному понятию категорий определить среди них его место. Тогда становится возможным более точно сформулировать дефиницию радикализма, используемую нами в данном докладе.

Термин «радикализм» получил в отечественной и зарубежной социологической и общественно-политической литературе широкое распространение. В последние годы все чаще в поле зрения исследователей попадают радикально-экстремистские проявления в политической жизни России и зарубежных стран (Белов Г. А., Березовский В. Н., Кротов Н. И., Бударин В., Левада Ю., Левичева В. М., Рытов Ю. и др.). Они находят отражение в содержании термина «радикализм», который употребляется, как правило, в характеристике острой социально-политической борьбы, распространения терроризма.

Рассмотрение социальной природы, форм и идейных истоков изучаемого феномена предполагает в первую очередь категориальное определение сущности, выявление специфических признаков и критериев выделения элементов его содержания. Такой методологический подход позволяет выработать теоретически глубокий, всесторонний и логически непротиворечивый взгляд на поставленную проблему, сосредоточить внимание на ее наиболее важных и малоизученных сторонах.

Категориальное определение термина «радикализм» в отечественной и зарубежной социологической, общественно-политической и философской литературе, несмотря на его общеупотребимый характер, не получило должного освещения. Подавляющее большинство исследователей вообще обходятся без какого-либо теоретического объяснения смысла данного термина. Они ограничиваются его чисто интуитивным, без каких-либо существенных уточнений и оговорок толкованием. Такой подход в значительной степени субъективен. Он не позволяет исследователю разобраться в специфике данного явления как особого социального качества, в его принципиальных отличиях от других близких ему процессов и форм общественно-политической жизни — терроризм, политический экстремизм, нигилизм, авантюризм, фанатизм и т. п. В сущности, под «радикализмом» здесь понимается целый класс группирующихся вокруг него понятий, которые истолковываются в зависимости от «угла зрения» того или иного автора.

Некоторые исследователи, не удовлетворяясь интуитивным взглядом на содержание данного термина, основываются в своих работах на его этимологическом толковании. Они предпринимают попытки категориального определения указанного понятия, исходя из содержательного смысла слова «радикализм». «Радикализм (от позднелат. *radicalis* — коренной, лат. *radix* — корень), отмечается в одном солидном энциклопедическом издании, — социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов» [3, с. 559]. Основное внимание здесь сконцентрировано на радикальном, то есть коренном (подчеркнуто нами — В. П.) изменении сложившегося общественного строя и поддерживающих его политических организаций.

В таком изначальном понимании радикализма заключается универсальность в выражении девиантов социально-политического мышления и поведения, затрагивающих основы существующей социальной системы. В радикальной мысли фиксируется содержание политического суждения, принципиально отличающегося от общепринятых норм массового сознания, идеологии, профессионального политического мышления. Палитра радикальных мнений, настроений и поступков разнообразна и многоаспектна.

Исходя из подобного толкования термина «политический радикализм», многие авторы, тем не менее, в своих работах не всегда обращают внимание на его специфику и нередко отождествляют с политическим экстремизмом. Не удалось избежать этого и в уже названном Философско-энциклопедическом словаре, где тождество между данными понятиями, по крайней мере в современных условиях, рассматривается как само собой разумеющееся. «...Для современного радикализма (экстремизма), — указано в этом издании, — характерны выбор, отстаивание и применение в решении теоретических и практических социальных проблем крайних насильственных методов и средств, чаще всего не соответствующих поставленным целям» [3, с. 559].

Отождествление политического радикализма и экстремизма неизбежно происходит в тех работах, где даются эмоционально-негативное, интуитивное определения, либо вообще отказываются от специального рассмотрения их категориального статуса. В этом случае типичным становится подмена, с одной стороны, экстремизма радикализмом, а с другой, — радикализм объявляется экстремизмом. Оба эти варианта отождествления данных понятий, на наш взгляд, неприемлемы.

Тесное родство радикализма и экстремизма очевидно. Оно обусловлено схожестью их социальной природы и формами проявления. Чаще всего одно явление сопутствует другому и наоборот. Радикализм потенциально содержит экстремизм, может рассматриваться первоначальной стадией его развития. В этом смысле он — более емкое по содержанию понятие. Экстремизм здесь предстает одной из разновидностей радикализма.

В то же время экстремизм опирается на радикализм и, как правило, без него не существует. Радикализм, в свою очередь, может иметь «экстремистские» формы, которые мало отличимы без специального анализа от собственно экстремизма как самостоятельного особого идейно-политического течения.

В экстремистских формах радикализма выражается предельная отчетливость и глубина возможных коренных преобразований, дается обоснование необходимости применения сверхрадикальных, крайних средств. В этом смысле экстремизм служит критерием степени радикальности политической идеологии и практики. В нем заложена перспектива последовательного развития радикализма по мере усиления отхода социальной идеи и форм ее реализации в политической практике от представлений и методов, свойственных апологетической аргументации сложившегося общественного строя, господствующего типа государственности, политической системы, норм нравственности и права.

Таким образом, при всей близости радикализма экстремизму в контексте аномальных форм поведения и девиантных проявлений его смысловое содержание, сущностные основания имеют в целом иную природу. Радикализм противоположен тем формам политического мышления и поведения, в которых отвергается необходимость коренных изменений вообще, в принципе, либо допускаются лишь частичные, несущественные изменения в политической идеологии. Прежде всего, к классу противоположных ему течений относятся консерватизм и традиционализм, патриархальные настроения. Степень противоположности здесь не имеет прямого отношения к экстремизму, поскольку связана с качеством изменений, предлагаемых и осуществляемых радикалами. В зависимости от глубины таких изменений в числе радикальных могут быть рассмотрены в основном три вида идей, действий и следующих им политических организаций: реформистские, революционные и экстремистские.

Из сказанного следует, что к экстремизму относится лишь часть форм радикальных настроений, поступков и объединений людей. Не каждый радикально настроенный человек может быть экстремистом. Однако последний, очевидно, не лишен радикальных взглядов и устремлений. Экстремизм и радикализм, как видим, существуют и функционируют в несовпадающих друг с другом плоскостях и уровнях политического мышления.

Политический экстремизм противоположен иным, чем радикализм, течениям и взглядам. К ним относится класс явлений, в которых отражено их полное либо частичное отрицание необходимости крайних средств достижения политических целей. С этой точки зрения, в число экстремистских проявлений могут попасть направления, которые противоположны радикализму, в частности некоторые формы консерватизма, традиционализма и т. п. Именно к такого рода формам относится религиозный экстремизм и фанатизм (например, исламский фундаментализм, ваххабизм). Противоположностью экстремизма выступают умеренные взгляды и поступки в политике, в том числе либерализм всех оттенков, среди которых важное место может занимать радикализм. Либеральный радикализм получил широкое распространение как в нашей стране, так и за рубежом. Яркий тому пример — политическая риторика В. В. Жириновского, который теоретически допускает в своих высказываниях внешне ультрарадикальные рецепты общественных изменений, а на практике вполне лоялен государственной политике и осуществляющим ее властным структурам.

Несовпадение форм политического радикализма и экстремизма приводит к возникновению между ними противоречивого состояния. Это происходит тогда, когда коренные качественные изменения не нуждаются в крайних методах и средствах их осуществления. Это — с одной стороны, а с другой, — когда крайние методы и средства используются не для коренных изменений, а для стагнации общества либо необоснованно быстрых его преобразований. Подобные противоречия в истории отмечались неоднократно (исключение экстремистски настроенного анархиста

М. А. Бакунина из состава радикально настроенных членов Первого Интернационала, противоречие между В. И. Лениным и Л. Д. Троцким при заключении Брестского мира в 1918 году). Экстремистские формы стагнации общества остро проявили себя в деятельности черносотенных групп в России в период разгрома революции 1905-1907 гг. и после него.

Из сказанного следует, что политический радикализм может считаться тождественным экстремизму при допущении его расширительного толкования. Радикализм служит важной предпосылкой и стадией формирования экстремизма. Экстремизм содержит одну из форм радикализма и в этом качестве является для него индикатором девиантности развития. Иными словами, экстремизм может выступать в виде ультра радикализма, а радикализм – неразвившимся, потенциальным экстремизмом.

Другим, не менее часто сравниваемым с политическим радикализмом, понятием является терроризм. Он обычно трактуется предельно широко. В его содержание включают государственные и внеправительственные формы политического терроризма. Последние обычно усматривают как в «левом», так и в «правом» терроризме, активно преследуемом государствами большинства стран мира. Здесь смысловых различий между терроризмом, экстремизмом и радикализмом, как правило, не усматривают. Это позволяет к террористическим отнести любые радикальные и экстремистские проявления, а политическому радикализму и экстремизму придать «ярлык» терроризма. Подобным образом поступает как пресса многих государств, в том числе официальная, так и солидные научные издания. В результате террористической идеологией оказывается можно назвать в целом марксизм, любые революционные, национально-освободительные движения, религиозные направления и т. п.

Сложность и недостаточная теоретическая разработанность понятий терроризма, экстремизма и радикализма служат некоторым авторам основанием для отказа в каких-либо дефинициях (А. С. Грачев, А. В. Коровиков, С. А. Эфиров).

Основания для сближения понятий радикализма, экстремизма и терроризма, безусловно, имеются. Во-первых, экстремизм в своих крайних проявлениях обычно выражается в террористических формах. Они могут оказывать глубокое влияние на общественное сознание и оставлять широкий след в истории человечества. Особенно это относится к физическому устранению крупных политических деятелей. Такие события могут стать поводом для радикальных перемен, гигантских социальных катастроф и потрясений. Провокационный характер террористических акций здесь в полной мере укладывается в содержание «экстремистского радикализма».

Во-вторых, терроризм и экстремизм в политике имеют сходные социальные, гносеологические, психологические и исторические корни. Они отражают индивидуализм, субъективно-волюнтаристский подход к действительности в его гипертрофированной форме.

В-третьих, терроризм как социальный феномен возникает, воспроизводится, как правило, в экстремистской, насыщенной радикальными умонастроениями среде, в которой рекрутируется особый слой преступников, в действиях которых усматривается идейно-политическое оправдание ими самих себя. Без этой среды терроризм как массовое явление исчезает.

Из сказанного следует, что радикализм и экстремизм сопутствуют терроризму. Можно утверждать, что терроризм в широком смысле есть «радикальный экстремизм». Радикализм в экстремистской форме может служить необходимым «фоном» для терроризма, предпосылкой, «благодатной почвой» для его существования. Террористы, особенно профессиональные, могут представляться радикально мыслящим людям и как «герои», «великомученики», и как провокаторы, компрометирующие их идеи. В каждой ситуации анализ линий взаимодействия подобных социальных явлений требует конкретного подхода. В целом, по-видимому, степень этих «линий» чрезвычайно высока. И она тем выше и глубже, чем сильнее и резче обозначены социальные противоречия, их породившие.

Политический радикализм в большинстве посвященных ему социологических, философских и политологических сочинений сближается с понятием «нигилизм» и может фактически поглощаться им и сливаться с ним [4, с. 151, 159].

При этом нигилизм рассматривается, с одной стороны, как универсальная ориентация политического радикализма и экстремизма, а с другой, — как их питательная почва и благодатный морально-психологический климат, духовно-нравственная среда, без которой они не могут существовать. Так, для «левого» радикализма, замечает Э. Я. Баталов, характерен «...акцент на абсолютное насилие, предопределяющий преимущественную ориентацию на «тотальное отрицание» данного социального мира [1, с. 18–19.]. «Моральный нигилизм», по мысли С. Л. Франка, выступает нравственной санкцией для народнических, революционных и иных учений, в том числе марксизма [4, с. 159]. Все эти учения для него имеют экстремистскую, разрушающую силу.

Понятие нигилизм имеет широкое и давнее употребление. Его смысл обычно истолковывают, отталкиваясь от слова nihil (лат.) — «ничто» — «...умонастроение, связанное с установкой на отрицание духовных основ бытия (личности, общества, культуры) и сопровождающееся пафосом негативизма» [2, с. 211]. Подобное толкование данного термина можно отыскать практически во всех отечественных справочных и энциклопедических изданиях. Оно стало общеупотребимым. Будем исходить из него.

«Ядро» нигилизма — установка на отрицание, деструктивность мироотношения. Нигилизм в политике как выражение отрицания сложившихся форм политического мышления и деятельности теснейшим образом связан с экстремизмом. Деструктивные действия возникают обычно на почве негативного отношения к господствующим нормам общественной жизни. В них проявляется особое мироощущение отдельного человека, социальной группы, отчаявшихся в рамках существующей государственной системы найти удовлетворение своим претензиям в качестве субъекта политической активности.

Нигилизм в таком понимании — необходимый компонент экстремистского радикализма. В нем заключена морально-психологическая потребность в мышлении и поведении, направленных на разрушение, а не на созидание нового политического устройства общества. В этом смысле народники-цареубийцы, эсеровские «боевики» имели немало общего с террористами из «красных бригад», организовавших громкие политические преступления в Италии в начале 80-х гг. прошлого века, или чеченских боевиков Шамиля Басаева, захвативших зрителей мюзикла «Норд-Ост» в Москве. В основе действий и первых, и вторых, и третьих — отрицание в обостренной форме существующих общественно-политических условий и устройства, господствующего политического режима. В результате происходит отказ от ряда общечеловеческих нравственных норм, готовность «переступить» через них ради достижения своих политических целей. Нигилизм здесь играет роль внутреннего побудительного начала, последовательно проявляющегося в крайних формах экстремистского радикализма и подавляющего в сознании личностные нравственные запреты общества.

В сфере морали и этических норм радикализм может иметь более широкое толкование, чем нигилизм. Сущность последнего, как известно, концентрируется в основном вокруг негативного восприятия нравственных ценностей, их отрицания и недооценки в той или иной степени. Радикальные взгляды могут включать в себя не только негативные суждения, но и позитивные воззрения, искусственно превозносящие те или идеи, вырывая их тем самым из этического контекста. Благодаря такому подходу ощущается достаточно тонкая грань между понятиями «политический радикализм» и «политический нигилизм». Переход с политического на этический контекст позволяет менять смысловое взаимоотношение данных понятий.

Радикализм приобретает широкое значение как выходящая за рамки традиционной морали система политического мышления. Подобный смысл вкладывал в понятие «нигилистический морализм» русской интеллигенции С. Л. Франк в своей статье «Этика нигилизма». «Нигилистический морализм, — писал он, — есть основная и глубочайшая черта духовной физиологии русского интеллигента: из отрицания объективных ценностей вытекает обожествление субъективных интересов ближнего («народа»), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда в свою очередь следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи» [4, с. 159].

Не вдаваясь в степень истинности взглядов «веховцев», включая С. Л. Франка, отметим, что здесь радикализм, по-существу, отождествляется с нигилизмом. Он выступает следствием нравственного нигилизма, а потому глубоко аморален. Однако, если данную причину считать первостепенной в формировании радикальных настроений, то сам нигилизм оказывается исключительно негативным явлением.

Такой подход будет узким и неточным в понимании взаимоотношения политического радикализма и нигилизма. Он создает возможность манипулирования подобными терминами и неоправданного их отождествления, использования в полемике в качестве политических «ярлыков». Далекое не все нигилисты являются радикалами, в том числе экстремистски настроенными. Большинство из них отнести к такой категории лиц неправомерно.

Взгляды знаменитого литературного критика, нигилиста Д. И. Писарева никак нельзя оценить в целостном виде как политический радикализм, тем более нельзя его самого считать экстремистом. Его нигилизм имел конструктивную, оптимистическую направленность. Он способствовал созреванию и развитию гражданского самосознания и нравственных основ освободительного движения в России второй половины XIX столетия. Вместе с тем он, по существу, не содержит предложений о кардинальных изменениях в системе общественно-политических отношений и самодержавном строе.

Нигилизм радикальной направленности содержит претензию на ниспровержение устоев общества. Поэтому в нем отражается социальный пессимизм, отчаяние радикально настроенных групп населения и политических сил. Особенно ярко он проявляется в идеологии и практике «левых» радикально-экстремистских организаций. К ним в 60-70-е гг. XX века относился целый пласт радикально-экстремистски настроенного слоя студенческой молодежи, интеллигенции западных стран, сформировавшийся в рамках движения «новые левые».

Резюмируя, можно сравнить нигилизм с сущностной стороной политического радикализма. Она выражает деструктивные проявления нигилизма и этой частью включается в содержание изучаемого нами феномена. Следовательно, нигилизм и радикализм, взаимодействуя друг с другом, имеют качественные отличия, не позволяющие их отождествлять либо необоснованно сближать их содержательный смысл.

Проведенный анализ содержания понятия «политический радикализм» показывает, что оно многоаспектно и неоднозначно. Его сущность заключается в эрозии традиционных для данного общества политических представлений, норм политического мышления, формировании субъективной ориентации на необходимость смены средств воздействия на политическую систему и ее элементы.

В рамках политического радикализма могут формироваться нигилистические и экстремистские воззрения на общественное переустройство, обосновываться практика политического терроризма. Это происходит тогда, когда радикально настроенные группы не теоретически, а практически выходят за пределы сложившихся, легитимных в обществе методов политической деятельности независимо от условий и обстоятельств, детерминирующих эту деятельность. Отсюда политический радикализм может приобрести субъективно-волюнтаристическую, авантюристическую направленность.

Таким образом, высокую степень общественной опасности приобретают ультра-радикальные политические силы, обосновывающие неизбежность своих агрессивных насильственных действий из абсолютизации необходимости кардинальных оперативных общественных перемен. В результате складывается питательная почва для формирования и распространения норм асоциального и аморального характера.

Из сказанного радикализм предстает систематизирующей категорией политического мышления. В ее содержании, на наш взгляд, заключено «ядро» предметной области понятий, отражающих процессы деградации сложившихся в политической деятельности норм и ценностей. В этом качестве данный феномен выступает особым духовно-практическим образованием в общественной жизни со своей природой, структурно-функциональными проявлениями и историческими формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973.
2. Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В. С., Филатов В. П. М., 1991.
3. Философско-энциклопедический словарь. М., 1983.
4. Франк С. Л. Этика нигилизма // ВЕХИ: Сборник статей русской интеллигенции. Репринтное издание. 1909. М., 1990.

*Вера Владимировна ГАВРИЛЮК —
заведующая кафедрой социологии и
социального управления ТюмГУ, доктор
социологических наук, профессор*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ МАСКУЛИННОЙ КУЛЬТУРЕ

Социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин в современном мире претерпевают значительные изменения, а значит, меняются и базовые гендерные установки, что, в свою очередь, меняет более тонкие психологические установки. Индивидуально-психологические различия оказывают влияние на социальную структуру, но глобальные фрейдистские модели для объяснения социальных изменений непригодны. Исходным пунктом анализа этих изменений должны быть не психология и культурология, а гендерная стратификация. Гендерная стратификация в современном социуме связана с изменением роли мужчин и женщин в производственных отношениях, семье, характере мужской и женской социализации. Эти изменения преломляются в культуре и массовом сознании и формируют индивидуально-психологические различия. Таким образом, логика исследования типов маскулинной культуры современной молодежи требует разграничивать:

- объективные социально-структурные изменения;
- их отражение в массовом сознании;
- индивидуально-психологические различия, порождаемые первым и вторым.

Первое и второе может выступать предметом социологического анализа, а индивидуально-психологические различия исследуются в рамках различных отраслей психологии. Социологи могут учитывать как современный научный факт феномен гетерогенности пола. Представления о маскулинности и фемининности позволяют